

*Александр
Тамоников*

**АРХИВ
СМЕРТНИКОВ**

*Москва
2017*

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Тамоников, Александр Александрович.
Т17 Архив смертников / Александр Тамоников. —
Москва : Эксмо, 2017. — 320 с. — (СМЕРШ — спец-
наз Сталина).

ISBN 978-5-04-089603-5

1943 год. Белоруссия. Капитану СМЕРШ Алексею Макарову поручено найти и вывезти в безопасное место архив школы Абвера. Немцы тоже охотятся за оставленными при отступлении документами. Группа Макарова попадает в засаду. Все, кроме капитана, погибают. Его, раненного, подбирают партизаны, которыми командует старший лейтенант НКВД Эмма Кушинская. У них то же задание, что и у контрразведчиков: не дать фашистам вывезти в Германию секретный архив. Макаров и Эмма готовят дерзкую операцию по захвату бумаг. Когда все готово к стремительному удару, соратница вдруг решает раскрыть капитану, кто она есть на самом деле...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-089603-5

© Тамоников А., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2017

ГЛАВА ПЕРВАЯ

До хутора Ольховый по прямой оставалось метров триста — через сохлую речушку и гущу тальника. Если по дороге, заросшей чертополохом, — то куда дальше. Такое ощущение, что ее тянули какие-то нетрезвые лешие — лишь бы запутать людей. Местность капитан Макаров приблизительно знал. Он загнал свой «виллис» повышенной проходимости в ближайшую полугую низину, побежал обратно, стойко игнорируя грозди переспевшей малины, свисающие с веток, пересек дорогу и, глянув на «командирские» часы, способные выдерживать все, кроме пули, расстроился, долго, капитан, слишком долго...

Речка, протекающая по Курячему лесу, превращалась в ручеек. Хрустела галька под сапогами. Он нагнулся, сполоснул лицо и, выпрямившись, застыл, наострив уши. Пятый час пополудни, дневные краски уже тускнели. Вторая половина сентября 1943 года радовала погодой, лето отступало как-то вяло, листва в общей массе еще не опала, но прорехи в шапках зелени уже намеча-

лись. Полевая офицерская гимнастерка промокла от пота. Он преодолел очередные тальниковые дёбри, поднялся на косогор, присел у разлапистой осины. Автомат Судаева с рожковым магазином висел за спиной, почти не мешал. Запасными не озаботился — не хотелось обременяться лишней тяжестью. Рука машинально потянулась к кобуре — «ГТ» на месте, две запасные обоймы в кармане.

Дальше капитан двигался бесшумно, перешагивая сухие ветки. «Плясал» от дерева к дереву, косясь по сторонам. Лес расступился, он пристроился под кустом боярышника и стал наблюдать. На хуторе Ольховый царило запустение. Остатки плетня заросли бурьяном. Сорняки пробивались сквозь трухлявые стены, свешивались с продавленной крыши. В старые времена здесь находились два домовладения, банька, несколько подсобных сараюшек, включая курятник. Из строений уцелело лишь одно, но и оно производило горестное впечатление. Оконные рамы висели на ржавых гвоздях — их выдрало взрывами гранат. В стенах зияли пулевые отверстия. До лета 41-го здесь кто-то жил, потом подался на восток, прихватив самый нужный скарб. Подразделение Красной Армии, пробиваясь из окружения, встало здесь на постой. По их следу пришли немцы и устроили кровавую бойню, забрасывали

хутор гранатами, крошили заспанных красноармейцев из автоматов. Тела сожгли в овраге. Поэтому во время оккупации хутор не использовался, слишком уж недобрая аура над ним висела.

Алексей перебежал поближе, залег под плетнем. Он был на верном пути, с этим хутором что-то неладно — чутье редко его подводило. Но, скорее всего, уже опоздал...

Уцелевшая хата не подавала признаков жизни. Фасадная часть обросла крапивой, на траве валялась сломанная лестница, телега без колес со сгнившим сеном. Со стрехи, словно глыба льда, свисала прелая солома. Левее чернела сгоревшая хата. Уцелел лишь скорбный дымоход — излюбленный «насест» для здешних ворон. Черная птица оседлала закопченную трубу и перебирала лапками. Под дымоходом развалилась кирпичная горка, увенчанная лопухами, — все, что осталось от русской печи. Алексей поводит носом. Может, мерещится? Или запах гари никогда не выветривается?

В штаб гвардейской дивизии, расположенный в селе Ложок, сигнал пришел полтора часа назад. Комвзвода радионаблюдения Савушкин с горящими глазами взлетел на второй этаж сельского клуба, приютивший дивизионный отдел контрразведки, и вломился к подполковнику Крахалеву, забыв постучать. «Товарищ подполковник,

это снова та рация! — Он глотал половину слов от волнения. — Клянусь, тот самый почерк, он мне уже ночами снится! Пеленгаторы засекли сигнал к северу от Грязино, точнее сказать не могу, но где-то в Курячем лесу! Километра два-три от деревни...»

Через минуту капитан контрразведки «Смерш» Алексей Макаров уже водил карандашом по карте, а подполковник Крахалев в нетерпении подпрыгивал у него за спиной. Это мог быть хутор, мог быть просто лес... Радиста «пасли» уже третий месяц. Он периодически выходил на связь — то под Ложком, то южнее Грязино, то в болотистой местности недалеко от Осиновки. Имелось подозрение, что это кто-то из своих, чье отсутствие в расположении не вызовет вопросов, — снабженец, офицер инженерной или саперной части, связист. Немцам на данном участке ненавязчиво скармливалась «деза»: прорыв явно заскучавшего фронта планируется в районе Ревзино — в тридцати километрах юго-западнее Ложка. Там наблюдалось вялое перемещение частей, боевой техники. На самом же деле удар планировался в районе Калачана — десятью верстами севернее Ревзино. Но об этом знали лишь несколько человек. Хотелось верить, что дезинформацию уже проглотили и теперь от таинственного радиста больше вреда, чем пользы. «Надо брать,

товарищ капитан, — недвусмысленно намекнул Крахалев. — Бегом туда, еще успеете!» Но закон пакости работал, как никакой другой! Вся оперативная группа — старший лейтенант Шевченко, лейтенанты Одинцов, Мазинич — с утра убыла в распоряжение штаба ударной армии, повезли «особо ценного» немецкого полковника, владевшего оперативной обстановкой по другую сторону передовой. Алексей был против: «Смерш» — не конвой! Но пришлось смириться. Да и кто же знал, что опять вылезет этот проклятый радист! В оперативном отделе — шаром покати! «Хоть красноармейцев с собой возьми!» — ругался в спину Крахалев, когда он кубарем скатывался по лестнице. К черту красноармейцев, от них только шум и бардак.

Он несся на хваленом союзном «виллисе» по проселочным дорогам, пытаясь выдумать хоть какой-то план. Лес большой, а командир отсутствующей опергруппы — такой, черт возьми, маленький! Алексей пролетел через Грязино, достойно оправдывающее свое название. Из населения деревушки остались лишь несколько старух, они испуганно смотрели из окон развалюх. Почему-то он сразу решил осмотреть хутор Ольховый...

На хуторке было тихо. Неугомонные пташки пищали в лесу, ветер теребил листву, ломал сухие ветки. Голова капитана усердно трудилась.

Радист не будет сидеть и ждать, пока его приберут, знает, что служба пеленгации работает круглосуточно. Но рация — это тяжесть, в карман не положишь. Установка, настройка, потом сворачивать работу. Должен понимать, что органы мгновенно не отреагируют. И на чем он, собственно говоря, сюда прибыл?

Алексей отполз назад, припустил, пригнувшись, в обход хутора. С севера в заброшенное хозяйство упиралась еще одна дорога, ею лет сто не пользовались, но для внедорожника это разве помеха? Он пролез через низину, одолел канавку, замаскированную молочаем, — и мысленно поздравил себя с успехом! В колдобистой колее стоял подержанный «ГАЗ-64», приписанный, судя по номеру, к частям обеспечения ударной армии! Алексей попятился за дерево. У машины никого не было. Он приблизился на цыпочках, обнажив ствол, заглянул внутрь. Никаких «улик», обычная армейская машина. Используется командирами среднего звена, связистами, разведчиками. Можно использовать в качестве тягача для орудия 45-го калибра. На заднем сиденье лежал ящик с инструментами, мотки проводов, свернутый брезент...

Он мог отступить за дерево и спокойно дожидаться водителя, но мысль эта была какая-то неудачная. Не придется ли ждать до весны? Где

гарантия, что субъект намерен вернуться к машине? До линии фронта через болота — километра четыре. А если уже сделал свое черное дело?

Следы на сухой земле отпечатались плохо, и все же парочку он выявил. Человек в армейских сапогах 43-го размера шел к хутору. Алексей прокрался через кустарник, перебежал дорогу, пролез под плетнем и стал смещаться вдоль разбитой стены. Палец поглаживал спусковой крючок. Высунулся за угол, выждал пару минут и, проскользнув к крыльцу, затаился за ржавой бочкой. Из дома — ни звука. Не было там никого, если через крышу, конечно, не забрался! На крыльце лохматилась грязь, вездесущие колосья мятлика пробивались через половицы. Последние месяцы тут точно никто не ходил. Аналогичная картина под окнами. Раскрошенное дерево, трава, которую никто не примял. Но кто-то тут отметился. Зачем? Относительно внятный ответ он обнаружил, зайдя за обгоревшее строение. Там имелось что-то вроде небольшого подземного овощехранилища. На засохшем навозе четко отпечатались следы — те же сапоги, один человек. Следы вели к хранилищу, спуск в который зарос лопухами. Он осторожно подошел ближе и обнаружил еще одну порцию следов. Они начинались у хранилища и уходили направо, к лесу. Здесь человек делал короткие шаги, возможно, тащил что-то...

Алексей спустился вниз, включил фонарь. Поиски не затянулись. Практически весь подвал был засыпан — мешанина досок, бревен, земли. Здесь что-то хранили, часть месива была разрыта, а под ногами валялся скомканный кусок брезента. Сомнений в том, ЧТО ИМЕННО здесь держали, не оставалось, брезентовая ткань еще хранила характерные перегибы. Он опустился на корточки, на четвереньках прополз во двор, затем проскользнул по завалившемуся плетню и выбрался на поляну. За кустами почва была мягкой и рыхлой, следы неплохо сохранились. Сердце екнуло — их оставили совсем недавно! «И зачем отказался от услуг приписанного к «Смершу» подразделения? — мелькнула тоскливая мысль. — Сейчас бы оцепить клочок леса — да вперед облавой...»

Он двинулся по следам, наострив все чувства. Вражеский агент давно все сделал и удалился... но вдруг обстоятельства заставили задержаться? И вообще, интуиция подсказывала, что далеко свою ношу агент не потащит. Алексей не ошибся. Впереди замаячил овраг с крутыми склонами, на которых топорщилась трава. Он зашел с фланга, подполз к обрыву. Картинка как на ладони — временное прибежище таинственного радиста. Плоский камень на дне оврага, на камне громоздкая рация, а под камнем все истерто не только по-

дошвами, но и коленями. На зрение Алексей не жаловался — там же валялись три окурка — значит, радист тут сидел не меньше двадцати минут. Возможно, ждал ответного сообщения...

Нервы звенели, но капитан терпел. Взгляд его скользил по дну оврага, по дальнему склону. Он обнаружил то, что хотел! Небольшой обвал на противоположной стороне — горка глины у подножия. Значит, радист вылез из лога и отправился дальше на запад. А линия фронта по-прежнему в четырех километрах! Алексей осторожно, чтобы не обвалить глину, спустился, сел на корточки, стал слушать. Как-то неприятно оказаться в западне — недостойно бывшего командира разведвзвода, а ныне — оперативника военной контрразведки. Затем подобрался к рации, осмотрел ее. Агенту стоило посочувствовать, могли бы выдать что-то компактнее. Советская коротковолновая радиостанция РБМ, ее производил новосибирский завод «Электросигнал», эвакуированный из Воронежа. Универсальное устройство, при наличии проводной связи можно использовать как телефон. Действует на несколько десятков километров. Вес приемопередающего «ящика» — 13 килограммов, сопутствующая упаковка с питанием — еще 15. Далеко не унесешь. Питание обеспечивают сухие батареи БАС-60 и аккумулятор 2 НКН-22, срок работы отнюдь не

долговечен. Полный комплект такой штуковины переносят два красноармейца, и тем непросто. Но, в принципе, вещь надежная, американцы в 42-м даже просили лицензию на производство.

По-видимому, агент использовал рацию в последний раз. Батарейный отсек был распакован, элементы питания разбросаны. На лицевой панели красовалась вмятина от удара прикладом. Алексей на минуту закрыл глаза. Если враг был один, то ему действительно можно посочувствовать, возил устройство в машине, пряча под хламом, в удобной местности выходил на связь, а закончив сеанс, сразу сваливал. Но, видимо, стало опасно. После предыдущего сеанса привез РБМ на хутор, спрятал в подвале. Сегодня прибыл порожняком, машину бросил в лесу, радиостанцию потащил за пределы хутора, не чувствовал себя в безопасности, нервничал...

Толку от РБМ уже не было. Да и от капитана «Смерша» толк был сомнительный! Скрипя зубами, он полез на склон и принялся снова искать следы. Наконец нашел — они вели через папоротник и уходили в канаву. Этой канавой агент и воспользовался. Алексей подмечал все мелочи. Окурочек «Беломора», брошенный под ноги, — спешил, выкурил только половину... Корень под ногами тянулся, как растяжка. Он опустился на колени и обнаружил с чувством глубокой радо-

сти, что попал в точку! Споткнулся, болезный, — и со всего, мать его, разгона! Стенка канавы у натянутого корня была обильно орошена кровью, а края ее обвалены с двух сторон. Видимо, быстро шел, нога попала в западню, а инерция тащила вперед. Открытый перелом голени, обильное кровотечение. Можно представить, как его тут корезило... Катался от боли, теряя кровь, возможно, пытался вставить кость обратно. Но для этого нужен пониженный болевой порог и хоть какое-то представление о медицине. Оружие у него имелось, но аптечки не было, не рассчитывал «приболеть». Судя по следам, радист продолжал движение, прыгал на одной ноге, хватаясь руками за края канавы, а когда последняя сгладилась, как-то вылез из нее и пополз, опираясь на локоть и здоровую ногу.

Загнанный зверь опаснее здорового — нельзя забывать. И все же Алексей прозевал яму с буреломом — природа так «удачно» ее замаскировала! Затрещало на весь лес, он чертыхнулся, кинулся за соседний выворотень. Следы волочения неплохо сохранились — сам себя волочил! Впереди был овраг, перед ним — горка преждевременно осыпавшегося кустарника. Он побежал к нему, пригнув голову...

Очередь стегнула словно хлыстом! Соперничать с пулей — заведомо глупо, но иногда прихо-